

**Районный этап всероссийской олимпиады школьников по литературе
в 2025/2026 учебном году в Санкт-Петербурге**

БЛАНК ЗАДАНИЙ ДЛЯ 11 КЛАССА

Задание 1 (максимальный балл – 10)

Перед вами краткие фрагменты биографий известных писателей (поэтов). В каждую биографию намеренно включён один ошибочный факт, который на самом деле относится к жизни и творчеству другого автора.

Укажите:

- о ком идет речь;
- какой факт является ошибочным;
- к биографии какого писателя (поэта) относится ошибочный факт.

Фрагмент 1

Известный поэт-символист Серебряного века. Родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Окончил университет. В 1910-х годах стал основателем и идейным вдохновителем литературного объединения «Цех поэтов», где разрабатывались принципы акмеизма. Раннее творчество проникнуто мистическими образами. Ключевыми произведениями стали поэма, отразившая революционный разлом, и лирическая драма. Скончался в Петрограде.

Фрагмент 2

Выдающийся писатель и поэт, первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе. Родился в Воронеже. Получил домашнее образование. В 1890 году предпринял тяжелейшее путешествие на остров Сахалин для изучения жизни каторжников. Результатом стала книга очерков. Прославился как мастер психологически тонкой прозы. После революции эмигрировал во Францию.

Фрагмент 3

Ключевая фигура русского футуризма, поэт, драматург. Родился в Грузии. Учился в художественном училище. Революцию принял как начало нового мира. В 1922–1923 годах совершил длительное путешествие по Европе и США, сопровождая свою жену, известную танцовщицу. Создал новаторскую поэтическую систему. Автор поэм, пьес, агитационных стихов.

Задание 2. Выберите задание 2.1 или 2.2 и выполните его (максимальный балл – 60)

Ваш ответ должен соответствовать содержанию задания и следующим критериям:

- К1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.
- К2. Композиционная стройность работы, логичность и связность ответа.
- К3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, без искусственного усложнения текста работы.
- К4. Отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.
- К5. Общая языковая и речевая грамотность.

2.1. Выполните целостный анализ рассказа Юрия Коваля «Клеёнка». Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. Объём сочинения – от 250 слов.

Юрий Коваль

Клеёнка

Осенью, в конце октября, к нам в магазин привезли клеёнку.

Продавец Пётр Максимыч как получил товар, сразу запер магазин, и в щели между ставен не было видно, чего он делает.

— Клеёнку, наверное, меряет, — толковал дядя Зуй, усевшись на ступеньке. — Он вначале её всю перемеряет, сколько в ней метров-сантиметров, а потом продавать станет... Пстой, ты куда, Мирониха, лезешь? Я первый стою.

— Кто первый? — возмутилась Мирониха, подлезая к самой двери. — Это ты-то первый? А я три часа у магазина стою, все ножки обтоптала! Он первый! Слезай отсюда!

— Чего? — не сдавался дядя Зуй. — Чего ты сказала? Повтори!

— Видали первого? — повторяла Мирониха. — А ну слезай отсюда, первый!

— Ну ладно, пускай я второй! Пускай второй, согласен.

— Что ты, батюшка, — сказала тётка Ксения, — за Миронихой я стою.

— Эх, да что же вы, — огорчился дядя Зуй, — пустите хоть третьим!

Но и третьим его не пускали, пришлось становиться последним, за Колькой Дрождевым.

— Слышь, Колька Дрождев, — спрашивал дядя Зуй, — не видал, какая клеёнка? Чего на ней нарисовано: ягодки или цветочки?

— Может, и ягодки, — задумчиво сказал Колька Дрождев, механизатор, — а я не видал.

— Хорошо бы ягодки. Верно, Коля?

— Это смотря какие ягодки, — мрачно сказал Колька Дрождев, — если чернички или бруснички

— это бы хорошо. А то нарисуют волчию — вот будет ягодка!

— Надо бы с цветочками, — сказала тётка Ксения, — чтоб на столе красота была.

Тут все женщины, что стояли на крыльце, стали вздыхать, желая, чтоб клеёнка была с цветочками.

— А то бывают клеёнки с грибами, — снова мрачно сказал Колька Дрождев, — да ещё какой гриб нарисуют. Рыжик или опёнок — это бы хорошо, а то нарисуют валуев — смотреть противно.

— Я и с валуями возьму, — сказала Мирониха, — на стол стелить нечего.

Наконец дверь магазина загрохотала изнутри — это продавец Пётр Максимыч откладывал внутренние засовы.

А в магазине было темновато и холодно. У входа стояла бочка, серебрящаяся изнутри селёдками. Над нею, как чёрные чугунные калачи, свисали с потолка висячие замки. За прилавком на верхних полках пасмурно блистали банки с заграничными компотами, а на нижних, рядом, стояли другие банки, полулитровые, наполненные разноцветными конфетами. При тусклом свете ириски, подушечки и леденцы сияли за стеклом таинственно, как самоцветы.

В магазине пахло клеёнкой. Запах селёдки, макарон и постного масла был начисто заглушён. Пахло теперь сухим клеем и свежей краской.

Сама клеёнка лежала посреди прилавка, и, хоть свёрнута была в рулон, верхний край всё равно был открыт взглядам и горел ясно, будто кусок неба, увиденный со дна колодца.

— Ох, какая! — сказала тётка Ксения. — Поднебесного цвета!

А другие женщины примолкли и только толпились у прилавка, глядя на клеёнку. Дядя Зуй дошёл до бочки с селёдками да и остановился, будто боялся подойти к клеёнке.

— Спит! — сказал он издали. — Слышь, Колька Дрождев, глаза ослепляет! Веришь или нет?

И дядя Зуй нарочно зажмурился и стал смотреть на клеёнку в узкую щёлочку между век.

— Кажись, васильки нарисованы, — хрипло сказал Колька Дрождев, — хоть и сорная трава, но голубая.

Да, на клеёнке были нарисованы васильки, те самые, что растут повсюду на поле, только покрупнее и, кажется, даже ярче, чем настоящие. А фон под ними был подложен белоснежный.

— Поднебесная, поднебесная, — заговорили женщины, — какая красавица! Надо покупать!

— Ну, Максимыч, — сказала Мирониха, — отрезай пять метров.

Продавец Пётр Максимыч поправил на носу металлические очки, достал из-под прилавка ножницы, нанизал их на пальцы и почикал в воздухе, будто проверял, хорошо ли они чикают, нет ли сцеплений.

— Пяти метров отрезать не могу, — сказал он, перестав чикать.

— Это почему ж ты не можешь? — заволновалась Мирониха. — Отрезай, говорю!

— Не кричи, — строго сказал Пётр Максимыч, чикнув ножницами на Мирониху, — клеёнки привезли мало. Я её всю измерил, и получается по полтора метра на каждый дом. Надо, чтоб всем хватило.

Тут же в магазине начался шум, все женщины стали разом разбираться, правильно это или неправильно. Особенно горячилась Мирониха.

— Отрезай! — наседала она на Петра Максимыча. — Кто первый стоит, тот пускай и берёт сколько хочет.

— Ишь, придумала! — говорили другие. — Нарезет себе пять метров, а другим нечем стол покрывать. Надо, чтоб всем хватило.

— А если у меня стол длинный? — кричала Мирониха. — Мне полтора метра не хватит! Что ж мне, стол отпиливать?

— Можешь отпиливать, — сказал Пётр Максимыч, чикая ножницами.

Тут же все стали вспоминать, у кого какой стол, а Мирониха побежала домой стол мерить. За нею потянулись и другие женщины.

В магазине остались только дядя Зуй да Колька Дрождев.

— Слышь, Колька, а у меня-то стол коротенький, — говорил дядя Зуй. — Нюрка сядет с того конца, я с этого — вот и весь стол. Мне клеёнки хватит, ещё и с напуском будет.

— А у меня стол круглый, — хмуро сказал Колька Дрождев, — а раздвинешь — яйцо получается. Первой в магазин вернулась Мирониха.

— Режь метр восемьдесят! — бухнула она.

— Не могу, — сказал Пётр Максимыч.

— Да что же это! — закричала Мирониха. — Где я возьму ещё тридцать сантиметров?

— Да ладно тебе, — сказал дядя Зуй, — останется кусочек стола непокрытым, будешь на это место рыбы кости складывать.

— Тебя не спросила! — закричала Мирониха. — Сам вон скоро свои кости сложишь, старый пень!

— Ишь, ругается! — сказал дядя Зуй добродушно. — Ладно. Максимыч, прирежь ей недостачу из моего куска. Пускай не орёт. Пускай рыбы кости на клеёнку складывает.

Продавец Пётр Максимыч приложил к клеёнке деревянный метр, отмерил сколько надо, и с треском ножницы впились в клеёнку, разрубая васильки.

— Бери-бери, Мирониха, — говорил дядя Зуй, — пользуйся. Хочешь её мылом мой, хочешь стирай. От этой клеёнки убыли не будет. Ей износу нет. Пользуйся, Мирониха, чашки на неё ставь, супы, самовары ставь. Только смотри будь осторожна с ней, Мирониха. Не погуби клеёнку!

— Тебя не спросила, — сказала Мирониха, взяла, кроме клеёнки, селёдок и пряников и ушла из магазина.

— Твой кусок, Зуюшко, укоротился, — сказал Пётр Максимыч.

— Ладно, у меня стол маленький... Кто там следующий? Подходи.

— Я, — сказала тётка Ксения, — мне надо метр семьдесят.

— Где ж я тебе возьму метр семьдесят? — спросил Пётр Максимыч.

— Где хочешь, там и бери. А у меня дети малые дома сидят, плачут, клеёнки хотят.

— Пускай плачут! — закричал Пётр Максимыч. — Где я тебе возьму?

Тётка Ксения махнула рукой на Петра Максимыча и сама заплакала.

— Вот ведь дела, — сказал дядя Зуй, — с клеёнкой с этой! Ладно, Максимыч, прирежь и ей недостачу, мне небось хватит. А то клеёнка, дьявол, больно уж хороша, женщине и обидно, что не хватает... Теперь-то довольна, что ль, тётка Ксения, или не довольна? А клеёночка-то какая — прям искры из глаз. Какая сильная сила цвета. Постелишь её на стол, а на столе — цветочки, ровно лужок... Кто там следующий? Манька Клеткина? А какой у тебя, Манька, будет стол?

— Не знаю, — тихо сказала Манька.

— Так ты что ж, не мерила, что ль?

— Мерила, — сказала Манька ещё тише.

— Ну, и сколько получилось?

— Не знаю. Я верёвочкой мерила.

Манька достала из кармана верёвочку, узлом завязанную на конце.

— Вот, — сказала она, — у меня такой стол, как эта верёвочка.

— Как верёвочке ни виться, — строго сказал Пётр Максимыч, — а концу всё равно быть.

Он приложил деревянный метр, померил Манькину верёвочку и сказал:

— Опять нехватка. Метр семьдесят пять.

— Эх, — махнул рукой дядя Зуй, — прирежь недостаю от моего куска, режь на всю верёвочку. А ты, Манька, горячие кастрюли на клеёнку не ставь, ставь на подложку. Поняла, что ль? Сделай подложку из дощечки.

— Поняла, — тихо сказала Манька, — спасибо, батюшка.

— Или того лучше, Манька. Ты ко мне забеги, я тебе готовую подложку дам... Кто следующий-то там?

Дело в магазине пошло как по маслу. Пётр Максимыч только чикал ножницами, и через десять минут от дядизуевой клеёнки почти ничего не осталось.

Но эти десять минут дядя Зуй не терял даром. Он расхваливал клеёнку, жмурился от силы цвета, сомневался: не заграничная ли она?

— Ну, Зуюшка, — сказал наконец Пётр Максимыч, — у тебя осталось двадцать сантиметров.

— Чтой-то больно мало.

— Так выходит. Двадцать сантиметров тебе, полтора метра Кольке Дрождеву.

— Может, какие-нибудь есть запасы? — намекнул дядя Зуй. — Для близких покупателей?

— Запасов нету, — твёрдо сказал Пётр Максимыч.

— Видишь ты, нету запасов. Ну ладно, давай режь двадцать сантиметров.

— На кой тебе двадцать-то сантиметров? — хрипло сказал Колька Дрождев, механизатор. — Отдай их мне.

— Не могу, Коля. Надо же мне хоть маленько. А то ещё Нюрка ругаться будет.

— Уж очень мало, — сказал Колька Дрождев. — Двадцать сантиметров, чего из них выйдет?

— Я из них дорожку сделаю, постелю для красоты.

— Какая там дорожка, больно узка. А Нюрке мы конфет возьмём, чего ей ругаться?

— Это верно, — согласился дядя Зуй. — Когда конфеты — чего ругаться? Забирай.

— Если б валуи какие были нарисованы, — толковал Колька Дрождев, — я б нипочём не взял. А это всё ж васильки.

— Верно, Коля, — соглашался дядя Зуй. — Разве ж это валуи? Это ж васильки голубые.

— А с валуями мне не надо. Ну, с рыжиками, с опёнками я б ещё взял.

— Ты, Колька, береги клеёнку-то, — наказывал дядя Зуй. — Не грязни её, да папиросы горящие не клади, а то прожжёшь, чего доброго. Ты папиросы в тарелочку клади, а то наложишь на клеёнку папирос — никакого вида, одни дырки прожжённые. Ты лучше, Колька, вообще курить брось.

— Бросил бы, — ответил Колька, заворачивая клеёнку, — да силы воли не хватает.

К ужину в каждом доме Чистого Дора была расстелена на столах новая клеёнка. Она наполняла комнаты таким светом и чистотой, что стекла домов казались чисто вымытыми. И во всех домах стоял особый клеёночный запах краски и сухого клея.

Конечно, через месяц-другой клеёнка обомнётся. Колька Дрождев прожжёт её в конце концов горячей папиросой, пропадёт особый клеёночный запах, зато вберёт она в себя запах тёплых щей, калиток с творогом и разваренной картошки.

2.2. Выполните целостный анализ стихотворения Галины Илюхиной «Питер по Брайлю». Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. Объём сочинения – от 250 слов.

Галина Илюхина

Питер по Брайлю

Когда нам остались метель и тщета,
а всё остальное забрали,
на ощупь заснеженный Питер читай
по Брейгелю, словно по Брайлю.

Следи вереницы бредущих слепцов
во времени нашем холопьем –
как кружат они, подставляя лицо
мятежным вихрящимся хлопьям.

Смотри, как былое втекает в сейчас,
и новый разлив неминуем.
Лови их сетчаткой залепленных глаз,
запихивай в клетку грудную –

шары фонарей, и аптеку, и ночь,
канал, погрузившийся в кому,
незрячих людей, ковыляющих прочь
по тонком льду золотому,

и верь, что хранит твой непрочный ковчег
спасенья наивный талантц,
покуда плывёт сквозь беспмятный снег
твой малый летучий голландец.

Задание 3 (максимальный балл – 15)

В музее «Анна Ахматова. Серебряный век» представлена работа Ольги Бух «Назову лишь нескольких, что стали уже теньями» (см. репродукцию картины). Сама художница комментирует своё произведение так: *«Картина "Назову лишь нескольких, что стали уже теньями" отражает наиболее ярких и выдающихся деятелей искусства, чьи переломанные последствиями революции судьбы так или иначе перекликались между собой и связаны с Санкт-Петербургом»* – и подчеркивает, что выбор персонажей и образов города символичен и субъективен.

3.1. Каких деятелей культуры вы узнали? (Укажите не менее 3 деятелей культуры и их место в композиции картины.) Прокомментируйте кратко их связь с Петербургом.

3.2. Если бы вы взяли за подобное полотно, каких писателей, поэтов, деятелей культуры XX века, не относящихся к культуре Серебряного века, вы бы выбрали? (5-6 персонажей). Как вы их расположили бы на полотне? Какие детали делали бы образы узнаваемыми? Какие образы стали бы фоном для портретов? Прокомментируйте свой выбор.

Общий объем работы – от 150-200 слов.

Ольга Бух. «Назову лишь нескольких, что стали уже теньями»

